

Вячеслав Евгеньевич Якушкин

Сперанский и Аракчеев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я49

Я49 **Якушкин В.**
Сперанский и Аракчеев / Вячеслав Евгеньевич Якушкин – М.: Книга по Требованию, 2023. –
55 с.

ISBN 978-5-521-39668-9

ISBN 978-5-521-39668-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

съ прочими дѣтьми, избѣгалъ ихъ забавъ, весь, какъ только выучился грамотѣ, отдался книгамъ и съ не-свойственною его лѣтамъ усидчивостью читалъ безъ усталости все, что попадалось ему подъ руки, и печатное, и писаное“. Мать Сперанскаго вспоминала потомъ: „Миша не выйдетъ на улицу, сидитъ себѣ на чердакѣ, да все что-то читаетъ или пишетъ“. Въ характерѣ мальчика съ годами происходили перемѣны, отчасти зависѣвшія отъ состоянія его здоровья. Вначалѣ онъ былъ слабъ и болѣзненъ, потомъ быстро окрѣпъ, отличался рѣзвостію, быстротою, силой, былъ веселаго нрава, не всегда воздержанъ на языкъ. Такимъ его рисуютъ намъ воспоминанія его товарищей по семинаріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда былъ привязчивъ и доброжелателенъ, пользовался общимъ расположеніемъ своихъ товарищей, а также и семинарскаго начальства. Родные очень любили Сперанскаго, который такъ участливо и заботливо относился къ нимъ. Характерною чертой въ Сперанскомъ была прочность его привязанностей, которыя онъ сохранялъ на всю жизнь: достигнувъ потомъ первыхъ рядовъ государственной жизни, пользуясь исключительнымъ положеніемъ и вліяніемъ, Сперанскій никогда не забывалъ своихъ друзей по прежней жизни, не отворачивался отъ нихъ.

Отецъ Сперанскаго не имѣлъ родовой фамиліи, и сынъ его получилъ свою фамилію, столь имъ прославленную потомъ, при поступленіи въ семинарію: она была дана ему его дядей и должна была означать надежды, которыя возлагались родными на мальчика уже тогда поражавшаго своими способностями. Въ семинаріи Сперанскій въ младшихъ классахъ, гдѣ приходилось брать всю премудрость только памятью, учился хуже многихъ своихъ товарищей, но съ риторическаго класса, гдѣ уже требовалось собственное размышленіе, онъ сразу занялъ первое мѣсто и удержалъ его до конца. По своему хорошему голосу онъ былъ назначенъ

въ архіерейскій хоръ; когда на праздникахъ пѣвчіе по домамъ собиравъ купцы пѣли кантаты, Сперанскій не входилъ въ комнаты, останавливаясь у дверей, и потому отказывался отъ своей доли въ общей выручкѣ, несмотря на свою крайнюю бѣдность. Сперанскій такъ пристрастился къ своему ученію, что, какъ самъ потомъ рассказывалъ, онъ всегда бывалъ радъ, когда наступало время ѣхать изъ дому въ семинарію, и при разставаніи съ родителями, къ стыду своему и большому соблазну родителей, не могъ обыкновенно проронить ни одной слезы: уѣзжая, онъ сгаралъ желаніемъ вернуться къ своимъ занятіямъ.

Въ 1788 г. была учреждена главная семинарія въ Петроградѣ при Александровскомъ монастырѣ. Въ нее должны были направляться всѣ лучшіе ученики изъ всѣхъ семинарій, „надежнѣйшіе въ благонравіи, поведеніи и ученіи и лучшаго передъ другими понятія, для образованія ихъ къ учительской въ высшихъ классахъ должности“. Въ 1790 г., восемнадцати лѣтъ отъ роду, Сперанскій былъ отправленъ съ двумя другими товарищами въ Петроградъ и былъ принятъ на казенный счетъ въ главную семинарію. Какъ преподаваніе въ этомъ новомъ заведеніи, имѣвшемъ педагогическія цѣли, такъ и вообще всѣ его порядки были далеки отъ совершенства. Но при своихъ способностяхъ и при своемъ усердіи къ занятіямъ Сперанскій извлекъ много пользы изъ годовъ своего ученія. Онъ долженъ былъ по окончаніи курса вернуться въ родную епархію въ качествѣ преподавателя, но онъ обратилъ на себя вниманіе и былъ оставленъ въ Петроградѣ. Сперанскій произносилъ проповѣди въ церкви съ большимъ успѣхомъ, производилъ сильное впечатлѣніе на слушателей: еще во владимірской семинаріи онъ поражалъ товарищей своимъ убѣжденнымъ словомъ. Проповѣди Сперанскаго услыхалъ митрополитъ Гавріилъ и такъ былъ имъ доволенъ, что пожелалъ удержать его при

себѣ. Онъ представилъ въ синодъ, что изъ всѣхъ учениковъ главной семинаріи „больше всѣхъ успѣлъ какъ въ математическомъ, такъ и въ философскомъ классѣ владимірской семинаріи семинаристъ Михаилъ Сперанскій“, и просилъ оставить его для преподаванія въ главной семинаріи. Желаніе митрополита было исполнено. При этомъ, конечно, Сперанскому дѣлались сильныя внушенія принять монашество, но онъ, полный цѣломудренныхъ и нравственныхъ инстинктовъ, не чувствовалъ себя все-таки склоннымъ къ иночеству и отклонилъ всѣ предложенія, которыя ему дѣлались въ этомъ смыслѣ. Сперанскій двадцати лѣтъ былъ назначенъ преподавателемъ семинаріи. Онъ самъ говорилъ потомъ: „Преосвященный Гавріилъ особенно меня любилъ и потому велѣлъ учить другихъ, когда мнѣ самому еще надобно было дручиться“. Онъ былъ назначенъ преподавателемъ математики, а затѣмъ также физики и краснорѣчія. За первый предметъ ему было положено жалованья 150 р. въ годъ, за два другихъ, какъ за дополнительные,—50 р. въ годъ за оба. Въ 1795 г. онъ былъ назначенъ учителемъ философіи и вмѣстѣ префектомъ семинаріи, причемъ окладъ его былъ увеличенъ до 250 р. въ годъ. Не останавливаюсь на преподавательской дѣятельности Сперанскаго. Объ его успѣхѣхъ здѣсь свидѣтельствуетъ назначеніе его префектомъ академіи 23-хъ лѣтъ отъ роду, отказавшагося отъ монашества, тогда какъ всѣ его предшественники были изъ іеромонаховъ. Упомяну еще, что изъ лекцій Сперанскаго составилаь, между прочимъ, цѣлая книга: „Правила высшаго краснорѣчія“,—выдающееся литературное явленіе своего времени, не увидавшее, впрочемъ, печати, но долго ходившее среди семинаристовъ въ спискахъ.

Мы видѣли, какъ мало получалъ Сперанскій какъ учитель и даже префектъ главной семинаріи. Несмотря на всю скромность его потребностей онъ долженъ былъ

искать на сторонѣ дополнительнаго заработка. Одинъ землякъ рекомендовалъ Сперанскаго князю А. Б. Куракину, какъ домашняго секретаря. Князь какъ-то въ 8 часовъ вечера призвалъ молодого учителя для испытанія и поручилъ ему написать одиннадцать писемъ къ разнымъ лицамъ, употребивъ около часа времени на объясненіе содержанія писемъ. Сперанскій немедленно принялся за работу, и на другое утро, въ 6 часовъ, всѣ письма были уже на столѣ Куракина. Тотъ не хотѣлъ вѣрить, что работа исполнена, когда же прочелъ письма, пришелъ въ совершенный восторгъ отъ мастерскаго изложенія. Сперанскій былъ принятъ домашнимъ секретаремъ Куракина, а также давалъ въ его семьѣ уроки. Сближеніе съ Куракинымъ послужило основаніемъ для перемѣны рода дѣятельности и вывело Сперанскаго на широкую дорогу государственной службы. Среди служебныхъ обязанностей преподаванія Сперанскій не оставлялъ своихъ собственныхъ занятій, много читалъ по разнымъ научнымъ вопросамъ, занимался изученіемъ языковъ. Между прочимъ черезъ сблизившагося съ нимъ гувернера Куракиныхъ, пруссакъ Брюкнера, на него вліяла французская философія просвѣщенія, съ которой онъ встрѣтился еще въ главной семинаріи.

Послѣ воцаренія Павла I князь А. Б. Куракинъ получилъ большое вліяніе: онъ былъ назначенъ генераль-прокуроромъ, награжденъ нѣсколькими орденами до Андрея Первозваннаго включительно, получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Возвышеніе Куракина вызвало перемѣну и въ судьбѣ Сперанскаго. Зная выдающіяся способности своего секретаря, Куракинъ пожелалъ воспользоваться его услугами для государственной службы. Но, прежде чѣмъ поступить на службу, Сперанскому надо было уволиться изъ духовнаго званія. При авторитетѣ Куракина митрополитъ, конечно, согласился на это, и прошеніе Сперанскаго,

избяснявшее, что онъ „находитъ сообразнѣйшимъ со своими склонностями и счастьемъ вступить въ статскую службу“, было удовлетворено. Сперанскій говорилъ: „Жажда ученія побудила меня перейти изъ духовнаго званія въ свѣтское. Я надѣялся ѣхать за границу и усовершенствовать себя въ нѣмецкихъ университетахъ; но вмѣсто того завлекся службой“...

Быстро возвысившійся Куракинъ сумѣлъ столь же быстрыми шагами повести службу своего секретаря, опредѣленнаго въ генераль-прокурорскую канцелярію. Въ полтора года службы Сперанскій получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и должность начальника отдѣленія. Вдругъ, Куракинъ впалъ въ немилость, былъ отставленъ и долженъ былъ жить въ своихъ имѣніяхъ. Первымъ побужденіемъ Сперанскаго было послѣдовать за нимъ, но Куракинъ самъ убѣдилъ его не оставлять службы. Генераль-прокуроры у императора Павла I смѣнялись быстро: за Куракинымъ слѣдовалъ Лопухинъ, котораго замѣнилъ Беклеповъ, а послѣдняго Оболяниновъ. Сперанскій при своихъ необыкновенныхъ способностяхъ и исключительныхъ познаніяхъ, при своемъ неутомимомъ трудолюбіи и при характерѣ, заставлявшемъ его уважать, удержался при этихъ перемѣнахъ, подвигаясь впередъ по службѣ быстрыми шагами. Когда среди сослуживцевъ раздался ропотъ при быстромъ назначеніи Сперанскому сразу двухъ наградъ, его начальникъ сказалъ имъ: „Попробуйте быть такими же орлами, какъ онъ, и вамъ то же самое будетъ“. Кромѣ своей службы въ канцеляріи генераль-прокурора, Сперанскій былъ назначенъ еще правителемъ канцеляріи по снабженію Петрограда хлѣбомъ. Сперанскій по этой должности вошелъ въ непосредственныя сношенія съ президентомъ комиссіи, первымъ „петербургскимъ генераль-губернаторомъ“, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. У насъ есть свидѣтельство, что, несмотря на служебные успѣхи и на милость со

стороны начальства, Сперанскій нерѣдко тяготился тогдашними условіями своей службы. „Я живу попрежнему, — писалъ онъ въ началѣ 1801 г. одному другу, — т. е. въ хлопотахъ или скукѣ, два препровожденія обыкновенныя моего времени“. Въ другомъ письмѣ того же приблизительно времени онъ писалъ: „Я боленъ, другъ мой, и въ безконечныхъ хлопотахъ. Пожалѣй о человѣкѣ, котораго всѣ просятъ, который всѣмъ хочетъ добра и рѣдкимъ сдѣлать его можетъ, и рвется тѣмъ самымъ, что положеніе его многихъ обманываетъ, — положеніе, а не сердце. Пожалѣй о человѣкѣ, которому столько завидуютъ“. Общія условія времени отражались тяжело и на Сперанскомъ. Ему приходилось страдать и отъ необходимости работать иногда при невозможныхъ условіяхъ. Такъ, до насъ дошло преданіе, какъ Сперанскаго заперли въ Гатчинѣ и заставили въ нѣсколько дней написать какой-то уставъ при пособіи нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій, оказавшихся въ дворцовой библіотекѣ.

Настало новое царствованіе. Императоръ Александръ I оживилъ Россію, какъ бы послѣ тяжелой болѣзни, обѣщаніемъ управлять по духу Екатерины, цѣлымъ рядомъ мѣръ, которыя отмѣняли стѣсненія и наказанія, объявленныя при Павлѣ I, которыя вводили новыя начала въ различныя стороны общественной и государственной жизни. Администраціи были указаны новыя основанія для дѣятельности, народное просвѣщеніе получило новыя средства и новыя уставы, литература почувствовала болѣе свободы, вся жизнь общества стала полнѣе и вольнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось или было даже извѣстно, что принятые мѣры представляютъ только начало, что государь съ кружкомъ своихъ друзей, который онъ называлъ „комитетомъ общественнаго спасенія“, обдумываетъ планы болѣе широкихъ преобразованій. По разнымъ причинамъ, работа императора Александра и его друзей за первое

время царствованія, ознаменовавшись цѣлымъ рядомъ существенныхъ мѣръ по различнымъ отраслямъ, не была завершена окончательнымъ общимъ проектомъ преобразованія, и эта работа перешла къ Сперанскому, который скоро занялъ при Александрѣ мѣсто перваго совѣтника и исполнителя. „Прекрасное начало“ царствованія Александра получило полное развитіе въ дѣятельности Сперанскаго, въ мѣрахъ, которыя онъ провѣлъ и которыя онъ проектировалъ.

Вступленіе на престолъ Александра I сразу укрѣпило и подвинуло служебную карьеру Сперанскаго. Онъ былъ извѣстенъ молодому государю по работѣ его въ комиссіи о продовольствіи Петрограда. При установившейся репутаціи Сперанскаго онъ не только былъ на виду, но его содѣйствіе оспаривали министры другъ у друга. Сначала Сперанскій былъ при Трошинскомъ, который пользовался большимъ значеніемъ у Александра I. Въ 1802 г., когда былъ изданъ указъ о новомъ образованіи министерствъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Кочубей, послѣдній пожелалъ, чтобы Сперанскій былъ у него директоромъ департамента. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, только что организовавшемся, было много важныхъ дѣлъ, и Сперанскій могъ показать силу своего творческаго ума. Онъ внесъ въ дѣйствія министерства жизнь, одушевленіе, инициативу. Сперанскій писалъ всѣ проекты по министерству, которые имѣли большое значеніе и успѣхъ. Онъ же составлялъ всѣ отчеты, подписимые государю, и эти отчеты впервые тогда стали печататься, что составляло само по себѣ важную новость, а своимъ содержаніемъ эти отчеты оказывали вліяніе на ходъ управленія, на общественное мнѣніе. Важною новостью было также учрежденіе официальнаго журнала, который подъ названіемъ *С.-Петербургскаго* сталъ издаваться подъ руководствомъ Сперанскаго же.

Опираясь въ своемъ министерствѣ на творческую работу Сперанскаго, Кочубей и не думалъ скрывать

важности его заслугъ, не старался затѣнить ихъ. Въ 1806 году Кочубей нерѣдко хворалъ и поручилъ доклады у государя Сперанскому. Еще до того императоръ Александръ, случалось, давалъ Сперанскому особыя порученія, внѣ его прямой должности, по званію статсъ-секретаря. Теперь же на докладахъ государь былъ совершенно очарованъ свѣтлымъ умомъ Сперанскаго, на котораго стали постоянно возлагаться различныя порученія.

Императоръ Александръ, остававшійся еще вѣрнымъ своему либеральному образу мыслей, пренеполненный желаніемъ положить твердыя основанія для благоденствія отечества, именно въ это время нуждался въ такомъ сотрудникѣ, какимъ былъ Сперанскій. Обстоятельства сложились такъ, что около государя въ составѣ высшихъ правительственныхъ лицъ уже не было его друзей, членовъ „комитета общественнаго спасенія“. Исполнителемъ реформаторскихъ плановъ Александра, ихъ выразителемъ теперь и является Сперанскій. Его быстрый организаторскій умъ могъ всегда представить всѣ трудности легкими, всѣ препятствія одолимыми, и онъ своими докладами ободрялъ государя къ проведенію задуманныхъ преобразованій. Обаятельно краснорѣчивый, неутомимо дѣятельный съ широкими и разносторонними познаніями, съ большимъ служебнымъ и жизненнымъ опытомъ, самъ проникнутый убѣжденіемъ въ необходимости переменъ, Сперанскій вполнѣ отвѣчалъ тѣмъ стремленіямъ, которыми былъ тогда проникнутъ Александръ I, являлся при немъ не только исполнителемъ его плановъ, но и вносилъ въ ихъ развитіе творческую работу своей мысли.

Въ 1808 году государь взялъ съ собой Сперанскаго за границу, отправляясь въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ. Объ этомъ путешествіи сохранилось нѣсколько рассказовъ касающихся Сперанскаго. Такъ, преданіе говоритъ, будто Наполеонъ подолгу бесѣдовалъ со Сперанскимъ и до того былъ восхищенъ его

умомъ, что сказалъ Александру: „Не угодно ли вамъ будетъ, государь, промѣнять этого человѣка на какое-нибудь королевство?“ Хотя есть всѣ основанія считать, что эта фраза вовсе не была произнесена Наполеономъ, но появленіе самаго преданія характерно и показываетъ, что среди современниковъ существовало очень высокое мнѣніе о дарованіяхъ Сперанскаго. Другое преданіе говоритъ, что Александръ за время путешествія спросилъ своего статсъ-секретаря: „Какъ нравится тебѣ за границу?“ Сперанскій отвѣчалъ: „У насъ люди лучше, но здѣсь лучше установленія“. На это государь замѣтилъ: „Это моя мысль; мы еще поговоримъ о томъ, когда воротимся“. Въ этомъ преданіи отразился несомнѣнный фактъ; ко времени послѣ эрфуртскаго свиданія относится составленіе Сперанскимъ плана общей политической реформы. Не надо, впрочемъ, преувеличивать значеніе того вліянія, какое могла имѣть на Сперанскаго поѣздка за границу, того вліянія, какое оказало на него и на Александра свиданіе съ Наполеономъ. Задуманныя реформы были завершеніемъ многихъ мѣръ, принятыхъ уже ранѣе, основывались на соображеніяхъ, давно обдуманыхъ и установленныхъ. Позднѣе Сперанскій писалъ объ этомъ: „Изъ всѣхъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ-быть, разговоровъ и разсужденій вашего величества надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идея, съ 1801 года занимавшимъ ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствию власти болѣе достоинства и истинной силы“.

Изъ общаго задуманнаго плана были приведены въ дѣйствіе только преобразованія государственнаго

совѣта и министерствъ, причемъ и эти преобразованія были неполныя, ждали для своего завершенія необходимыхъ общихъ измѣненій. Однако и въ неполномъ видѣ новыя учрежденія показывали значеніе основныхъ принциповъ, на которыхъ они покоились. Въ манифестѣ 1-го января 1810 г. о новомъ образованіи государственнаго совѣта указывалось, что весь историческій смыслъ усовершенствованій, которыя были проведены въ разное время въ Россіи, состоялъ въ томъ, чтобы „по мѣрѣ просвѣщенія и расширенія общественныхъ дѣлъ учреждать постепенно образъ управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона“. Законы гражданскіе, сколько бы они ни были совершенны, безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды. Поэтому и рѣшено дать государственному совѣту „образованіе, свойственное публичнымъ установленіямъ“. Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ сосредоточиваются всѣ законодательныя дѣла. Манифестъ указываетъ, между прочимъ, что положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія. Первое отдѣленіе образованія названо было: „Коренные законы“ государственнаго совѣта. Второе отдѣленіе, озаглавленное „Особенныя учрежденія“, заканчивалось § 144-мъ, гласившимъ, что эти особыя учрежденія могутъ измѣняться и дополняться только на основаніи коренныхъ законовъ совѣта, т. е. не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ совѣтѣ. 1-го января, въ 9 часовъ утра, высшіе сановники, призванные въ составъ преобразованнаго государственнаго совѣта, явились во дворецъ, и императоръ Александръ открылъ первое засѣданіе рѣчью, которая была также сочинена Сперанскимъ, подобно и рѣчи на сеймѣ въ Борго. Императоръ Александръ говорилъ: „Какимъ образомъ въ государствѣ, столь обширномъ, разныя части управленія могутъ идти съ стройностью и съ успѣхомъ,